

Б.П. Миловидов
B.P. Milovidov

**РОЛЬ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ
В РЕГУЛИРОВАНИИ ПОЛОЖЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ
АРМИИ НАПОЛЕОНА: ЛОКАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И КОРРЕКТИРОВКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**THE ROLE OF THE COMMITTEE OF MINISTERS
IN REGULATING THE SITUATION OF PRISONERS
OF WAR OF NAPOLEON'S ARMY: SEPARATE ISSUES
AND LEGISLATIVE ADJUSTMENTS**

В 1812–1815 гг. Комитет министров стал важнейшим органом, осуществлявшим гражданское управление страной. В частности, Комитет министров не только участвовал в формировании общей правовой базы пребывания пленных в России, но и занимался разъяснением и корректировкой законодательства, принимал множество решений по локальным вопросам, координировал работу разных ведомств. Эти решения касались либо отдельных регионов, либо групп пленных, выделявшихся так или иначе по своему статусу. Предметами особого внимания были вопросы безопасности, использования пленных в экономике, проблемы депатриации.

In 1812–1815, the Committee of Ministers became the most important body exercising civil governance of the country. In particular, the Committee of Ministers not only participated in the formation of general legislative norms for the stay of prisoners in Russia, but also was engaged in clarification and adjustment of legislation, made many decisions on separate issues, and coordinated the work of different departments. These decisions concerned either individual regions or groups of prisoners distinguished in one way or another by their status. The subjects of special attention were security issues, the use of prisoners in the economy, and repatriation problems.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, иностранные военнопленные, Комитет министров, правовое положение военнопленных, С.К. Вязмитинов.

Keywords: the Patriotic War of 1812, foreign prisoners of war, the Committee of Ministers, legal status of prisoners of war, S.K. Wjazmitinov.

В 1812–1815 гг., в условиях военных действий и отсутствия императора в столице, высшие органы власти империи вынуждены были действовать в особом режиме. Их полномочия по сравнению с мирным временем подверглись существенной корректировке. В первую очередь это коснулось Комитета министров, права которого по указу 20 марта 1812 г. были серьезно расширены; действуя от имени императора, он сосредоточил в своем ведении основные дела по гражданскому управлению, по комплектованию армии, оказанию помощи губерниям, пострадавшим от неприятеля и т. д. По выражению министра юстиции И.И. Дмитриева, Комитет «стал средоточием всех государственных движений», взяв на себя часть полномочий, принадлежащих Сенату и Государственному совету¹. Роль Комитета министров в эпоху 1812 г. до сих пор остается в современной историографии недооцененной. Это касается и его деятельности в области регулирования положения пленных на территории Российской империи. Помимо участия в подготовке решений, затрагивавших всех или большинство пленных, и отразившихся в основном в циркулярных предписаниях Министерства полиции², «самодержавное правительство» (термин А.В. Ремнева) принимало немало положений, касавшихся либо отдельных регионов, либо групп пленных, выделявшихся так или иначе по своему статусу. В большинстве своем регулировавшиеся этими положениями вопросы не могли быть решены на уровне Министерства полиции либо потому, что затрагивали интересы нескольких ведомств, либо потому, что речь шла о правовых коллизиях, об интерпретации или уточнении законодательства о пленных.

Предметом внимания Комитета министров были, в частности, проблемы безопасности и сохранения порядка. Они были связаны с особенностями транспортировки и размещения пленных. Первоначально препровождение пленных во внутренних губерниях возлагалось на внутреннюю стражу, а надзор на местах возлагался на полицию. Впрочем, еще 17 сентября 1812 г. Вязмитинов предписал губернаторам вместо внутренней стражи использовать обывателей под надзором земских и дворянских чиновников³. Однако реализация этих мер, очевидно, встречала затруднения. 9 ноября 1812 г. Комитет министров рассматривал записку главнокомандующего в Петербурге и управляющего Министерством полиции С.К. Вязмитинова, в которой излагалось с предложение Тамбовского гражданского губернатора о создании особого батальона из отставных для надзора за пленными. Это было связано с отсутствием необходимого коли-

чества нижних чинов «стражи». Комитет положил, что Тамбовскому губернатору следует для присмотра за пленными «сделать наряд из обывателей в таком числе, какое для сего употребления нужным признает»⁴. 7 января 1813 г. Комитетом министров рассматривался вопрос о разрешении Вятскому гражданскому губернатору из-за недостатка конвойных употреблять для препровождения пленных состоящую при местной межевой конторе инвалидную команду⁵.

Важным аспектом безопасности страны была борьба с эпидемиями, именно массовое распространение «заразительных болезней» вынудило Комитет министров в конце 1812 г. принять решение о приостановлении движения пленных по всей стране. Оно было доведено до губернаторов циркулярным предписанием 24 декабря 1812 г.⁶ Однако ставшая результатом этого решения концентрация пленных в Западных губерниях империи создала угрозу безопасности иного порядка. 23 марта 1813 г. Виленский гражданский губернатор направил в Петербург тревожное донесение: от еврейского кагала им были получены сведения, что «поляки готовят погром евреев и русских и хотят их истребить». Виленский губернатор сомневался в том, что «неблагонамерение» жителей губернии носит массовый характер, но тем не менее отмечал, что «заметна в них совершенная незаботливость и неповиновение» в исполнении как повинностей по продовольствию войск и прочим предметам, так и других начальственных распоряжений. Этим настроениям в губернии «может быть большею частью способствуют пленные, там находящиеся, которые с совершенною свободою обращаются с жителями и ничего более не делают, как только распространяют разные слухи, служащие к раздражению слабых умов». Тех пленных, сообщал губернатор, которые поступают в его распоряжение, он немедленно отсылает во внутренние губернии «и в назначенные по предписаниям места». Об этом он уже получил соответствующее повеление. Имеется в виду повеление о возобновлении отправки пленных во внутренние губернии. Однако его точная дата пока не установлена. Наличие такого повеления подтвердил и Вязмитинов, излагая донесение губернатора в записке, направленной Комитету министров и рассмотренной там 16 апреля 1813 г. Однако множество пленных, согласно донесению Виленского гражданского губернатора, находились в госпиталях, в ведении военного губернатора и особо учрежденной для них администрации. Сообщая об этом Комитету министров, Вязмитинов отмечал, что ни о какой подобной администрации, ни о находящихся в ее ведении пленных он не знает, «и на запрос о сем учреждении и правилах оного от виленского воен-

ного губернатора не получил еще ответа». Между тем, сообщал главнокомандующий в Петербурге министрам, согласно высочайшему повелению, большая часть пленных из Литовских губерний должна быть обращена на крепостные работы. Заслушав записку Вязмитинова, Комитет министров предписал ему направить запрос Литовскому военному губернатору о том, какие сделаны распоряжения насчет пленных, состоящих в ведении упомянутой администрации, и на каких правилах она учреждена⁷. 18 апреля 1813 г. Комитет министров слушал и записку Вязмитинова «о разных зловредных покушениях жителей Витебской, Виленской и Минской губерний». Специально посланный чиновник донес управляющему Министерством полиции из Минска от 3 апреля, что в упомянутых губерниях действительно распространяются слухи, будто «поляки скоро над русскими и евреями что-нибудь сделают». Минский губернатор сообщил этому чиновнику, что он принимает необходимые меры, в частности отправляет из этих губерний пленных⁸.

Особой категорией пленных были поляки, которых российское правительство рассматривало скорее как мятежных поданных, чем как представителей регулярной армии противника. Политика по отношению к ним была откровенно репрессивной, их было предписано отправлять на Кавказ и в Сибирь, зачисляя в российские войска или используя на работах. Поведение этой категории пленных вызывало особые опасения и требовало особого контроля. Часть поляков, прибывших на Кавказскую линию, отказывались принимать присягу и поступать в российские части. Генерал С.А. Портнягин, командовавший войсками на Кавказской линии, приказал разослать поляков по ротам и привести их к присяге, а зачинщиков, также распределив по ротам, наказать «при собрании оных» палками. Если же и после этого поляки откажутся от присяги, то Портнягин приказал употреблять их в службу без нее, внушив, что за провинности и упущения они подвергнуться более суровому наказанию, чем присягнувшие⁹. Дело дошло до императора, который повелел пленных поляков, не желающих служить в Грузии и на Кавказе, отправлять в войска, расположенные в Сибири¹⁰. Однако Вязмитинов, возглавлявший гражданское управление, не был извещен о повелении императора. Поэтому дело о поляках, отказавшихся от присяги, было рассмотрено в Комитете министров 5 декабря 1813 г. Комитет одобрил действия Портнягина и приказал также поступать с выказывавшими неповиновение поляками и впредь, размещая их по полкам небольшими партиями¹¹.

С.К. Вязмитинов проинформировал Комитет министров и о заговоре пленных поляков в Томске, внеся на его заседание 30 июня 1814 г. особую записку. Заговор был раскрыт в начале мая 1814 г., и целью его было «произведение в городе бунта», а затем движение на Казань, и далее на помощь Наполеону¹². Поставив министров в известность о случившемся, главнокомандующий в Петербурге сообщил им также, что о скорейшем освобождении поляков (ведь война закончилась) сделаны уже, в том числе и сибирским властям через генерал-губернатора, надлежащие предписания. Со своей же стороны он дополнительно распорядился, чтобы местные власти при возвращении поляков предприняли «вящие меры осторожности», чтобы те «никаких шалостей оказать не могли». Комитет министров принял эту записку к сведению¹³.

На заседании 14 августа 1814 г. Комитет министров слушал записку Вязмитинова о пленных французах, находившихся не в ладах с российскими законами. В ней говорилось, что находящийся «здесь», т. е., очевидно, в столице, для приема военнопленных генерал-лейтенант французской службы барон А. Морен просит об исходатайствовании дозволения возвратиться в отчество французским пленным, находящимся под судом за различные преступления. Свое ходатайство Морен подкреплял ссылкой на то, что все российские пленные, находившиеся во Франции, освобождены без изъятия. К записке прилагался и список пленных, впавших в преступление (его нам обнаружить не удалось). Однако Комитет министров постановил, что пленные французы, находящиеся под судом за уголовные преступления, «до окончания дел об них не могут быть отпущены в отчество»¹⁴.

Пребывание пленных в губерниях создавало дополнительную нагрузку на мирное население — солдаты и офицеры Наполеона размещались в домах обывателей на постой, так же, как и российские войска. На рубеже весны — лета 1814 г. Вятский гражданский губернатор обратился к министру финансов с представлением о необходимости безденежного отпуска дров для отопления домов, где должны были расположиться французские пленные. По словам губернатора, он ожидал, что будет прислано около 5 тыс. человек, и что «для обывателей отяготительно будет снабжать их дровами». Министр финансов «по экстренности сего случая» и отсутствию прямой законодательной нормы принял решение по аналогии — сославшись на высочайший указ, объявленный Адмиралтейств-коллегии 11 июля 1799 г. Согласно ему, отпуск дров для отопления

полковых штаб-квартир осуществлялся по числу печей: с октября до апреля по полусажени «трехаршинной меры» на каждую, а летом лишь на те, которые используются для приготовления пищи и печения хлеба. Однако, с учетом того, что в домах кроме пленных живут и сами обыватели, Д.А. Гурьев предписал бесплатно отпускать лишь половину от прописанной в указе нормы на каждую печь. Соответствующие бумаги он направил в Департамент государственных имуществ, вятскому гражданскому губернатору и обер-форстмейстеру. Решение это министр финансов внес на утверждение Комитета министров, которое и состоялось 30 июня 1814 г.¹⁵, хотя к этому времени уже все пленные подлежали отправке на родину.

Проблемы со снабжением пленных, в частности одеждой, возникали и при возвращении пленных после заключения мира. Согласно распоряжению о репатриации пленных, направленному губернаторам 13 мая 1814 г., солдатам наполеоновской армии, которые не имели одежды, полагалось при выступлении в путь ее выдавать за казенный счет¹⁶. Однако в июле 1814 г. Кавказский гражданский губернатор представлял Вязмитинову, что этому препятствуют некоторые обстоятельства. Выяснилось, что у местных обывателей «нет обыкновения продавать готовую одежду», да и холста, на который сильно возросли цены, купить было почти невозможно. Вязмитинов обратился к управляющему Военным министерством А.И. Горчакову, прося предписать военному начальству на Кавказской линии, чтобы оно отпускало служащих в полках поляков в той одежде, которая на них есть, хотя бы сроки ношения этих вещей еще не истекли. Возникавшие в связи с этим претензии военного ведомства предполагалось удовлетворить позднее из сумм, ассигнованных на пленных. Горчаков согласился с такой идеей и через некоторое время доставил Вязмитинову ведомость об армейских вещах, отданных пленным полякам. Стоимость их составила 88 219 руб. 83½ коп. Этую сумму Комитет министров 7 сентября 1815 г. разрешил выделить Военному министерству из Государственного казначейства.¹⁷

В сентябре 1814 г. правитель Белостокской области С.А. Щербинин сообщил Вязмитинову, что многие французские пленные офицеры и нижние чины хотя и снабжаются при отправлении из внутренних губерний одеждой и обувью, но в Белосток приходят «совсем босые и оборванные». Особенно это касается тех, кто побывал в госпиталях. Кроме того, в Белостоке отсутствовал французский представитель, который бы мог помочь соотечественникам, и это вызывало «неудовольствие и ропот» бывших наполеоновских

воинов против нового французского правительства. Снабдить же их теплой одеждой в преддверии наступающих холодов у местных российских властей возможности не было. В связи с этим Щербинин просил Вязмитинова снестись с находившимся в столице присланым для приема пленных генералом А. Мореном либо принять какое-либо иное решение. Причем если правительство сочтет нужным снабдить пленных тулупами, то отпустить их Щербинин предлагал из Минской комиссариатской комиссии, «в которую отосланы все почти шубы, закупленные прошедшою зимою для действующей армии». В записке, поданной Вязмитиновым по этому поводу в Комитет министров, говорилось, что Морен уже три недели назад отбыл во Францию, и сослался на высочайшее повеление об освобождении всех пленных (и соответственно предписание от 13 мая 1814 г.), а также на изданное ранее распоряжение о депатриации австрийских пленных, согласно которым бывшие воины Великой армии содержались за счет российской стороны только до границы. Комитет министров, рассмотрев записку Вязмитинова, 22 сентября 1814 г. положил предписать Щербинину, чтобы он снабдил нуждающихся пленных при отправлении за границу как шубами, так и другими нужными вещами, истребовав для этого тулупы из Минской комиссариатской комиссии. Кроме того, управляющий Коллегией иностранных дел И.А. Вейдемайер должен был поставить данный случай на вид французскому послу при российском дворе, подчеркнув, что российское правительство при первом же известии о проблемах с одеждой возвращающихся на родину французских пленных приняло нужные меры по их разрешению¹⁸.

Позднее Щербинин направил великому князю Константину Павловичу представление о награде советника Белостокского областного правления титулярного советника Н.М. Тумашева «за неутомимые труды и деятельность, оказанные им при отправлении из Белостока в Варшаву значительного числа пленных поляков». Щербинин просил для своего сотрудника чин коллежского асессора либо орден Св. Анны 2-го класса. Однако Вязмитинов, к которому в итоге попало дело, сообщил в Комитет министров, что выданное Тумашеву в Дерптском университете свидетельство не соответствует правилам, установленным в указе 6 августа 1809 г. для производства гражданских чиновников в восьмиклассные чины. (Согласно свидетельству, он был учителем математики, географии, истории, а также французского и российского языков в семинарии при этом университете. С 31 декабря 1814 г. имел чин титулярного советника и еще

в 1811 г. был пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени). Поэтому 25 ноября 1816 г. Комитет министров предложил Тумашеву лишь объявить высочайшее благоволение, что и было утверждено царем¹⁹.

Наконец 3 марта и 1 мая 1814 г. Комитет министров рассматривал вопрос о содержании пленных Данцигского гарнизона, которые по условиям капитуляции сохраняли то содержание, которое получали, находясь на французской службе, и не должны были отправляться в отдаленные губернии. Для этого потребовалось вступить в переписку с подписывавшим капитуляцию герцогом А. Вюртембергским, подтвердившим, что содержание по французскому уставу пленники должны получать только в пути. При этом Комитет нашел невозможным выполнить данное герцогом обещание разместить всех пленных генералов в Киеве, где существовал дефицит квартир²⁰.

Комитету министров приходилось разрешать и спорные вопросы, касающиеся организации переписки пленных. Рижская почтовая контора, получив из-за границы письма для пленных и представив их Лифляндскому гражданскому губернатору, объявила ему, что терпит от подобной переписки убытки, поскольку должна платить иностранным почтамтам портовые деньги, которые обратно в казну не поступают. Поскольку контора просила позволения отсыпать такие письма назад за границу, то губернатор обратился к министру внутренних дел, присовокупив, что пленные едва ли в состоянии оплачивать из получаемого ими содержания услуги почты. О.П. Козодавлев, представив дело на рассмотрение Комитета министров, предложил платежи иностранным почтамтам за переписку пленных производить за счет казны. На заседании Комитета, рассматривавшего записку Козодавлева 30 сентября 1813 г., мнения его членов разделились. Председатель Комитета (Н.И. Салтыков), председатель соединенных департаментов Государственного совета (П.В. Лопухин), морской министр (И.И. Траверсе), министр финансов (Д.А. Гурьев), министр народного просвещения (А.К. Разумовский) и управляющий Министерством юстиции (И.У. Болотников) полагали, что портовые деньги должны возвращаться в казну, тем более что письма присыпаются в основном на имена «значущих» офицеров, «которые без сомнения в состоянии произвести за оные платеж». Они полагали необходимым требовать от адресатов портовые деньги в том размере, в каком они платятся иностранным почтамтам за пересылку корреспонденции до российской границы, в случае же неплатежа возвращать письма обратно отправителям. Однако для облегчения

положения пленных весовые деньги за пересылку писем по российской территории, т. е. от границы до мест пребывания адресатов, сторонники этой точки зрения предлагали не взыскивать. Другая часть членов Комитета, а именно главнокомандующий в Санкт-Петербурге (С.К. Вязмитинов), управляющий Военным министерством (А.И. Горчаков), главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий (А.Н. Голицын) и государственный контролер (Б.Б. Кампенгаузен) согласились с мнением министра внутренних дел, т. е. полагали платеж за письма пленным «по уважению бедности их» принять на счет казны. Комитет решил привести это положение в действие по большинству голосов. В.П. Кочубей, очевидно в заседании не участвовавший, рядом со своей подписью под журналом поставил отметку, что согласен с мнением большинства²¹. Таким образом возобладала прагматическая позиция.

Хотя решение Комитета финансов, утвержденное императором 29 декабря 1812 г., и основанное на нем циркулярное предписание Вязмитинова от 14 января 1813 г.²² открывали дорогу для широкого использования принудительного труда военнопленных, тем не менее, когда требовалась координация с другими ведомствами (в частности Военным министерством и Главным управлением путей сообщения), к делу подключался и Комитет министров.

Вопрос о завершении военно-строительных работ в Нарве беспокоил российские власти еще летом 1812 г., поскольку рабочих рук не хватало. В сентябре Нарвский комендант сообщил Вязмитинову, что по информации, полученной от Петербургского гражданского губернатора, военнопленных, не пожелавших вступать в формировавшийся в Ревеле Российско-германский легион (вероятно, речь идет о тех, кто сначала согласился, был отправлен к местам его формирования, а затем отказался) следует употребить по высочайшему повелению в Нарве на крепостные работы. Комитет министров 11 октября 1812 г. решил передать рапорт коменданта в Военное министерство для соображения, «не возможно ли будет употребить в работу и прочих военнопленных»²³. Однако, присланые из Ревеля в Нарву пленные не имели нормальной одежды и обуви, и управляющий Военным министерством А.И. Горчаков отказался от предложенной идеи, тем более что к началу 1813 г. актуальность укрепления Нарвы отпала. Комитет министров 4 февраля 1813 г. согласился с мнением управляющего Военным министерством и постановил, «не делая для сего на зимнюю одежду издержек, оставить [пленных] на том одном содержании, какое для военнопленных определено»²⁴.

2 мая 1813 г. Комитет министров рассматривал представление Вязмитинова об использовании на строительстве укреплений в Бобруйске и Борисове вместо местных жителей пленных. Инициатива исходила от А.И. Горчакова и Минского военного губернатора генерал-майора Г.А. Игнатьева. Предложение это шло в разрез с высочайшим повелением, которым к работам этим следовало назначать обывателей²⁵. В итоге Комитет поддержал предложение Горчакова и Игнатьева, постановив, чтобы содержание пленным, используемым на работах в Бобруйске и Борисове, производилось такое же, как и в Динабурге, куда бывшие солдаты Наполеона были назначены к работам месяцем ранее²⁶.

Была предпринята попытка использования пленных и на строительстве дорог. Инициатором выступил в 1812 г. служивший по ведомству путей сообщения инженер-генерал Ф.П. Деволлан, после смерти принца Г.П. Ольденбургского фактически руководивший ведомством. В использовании пленных он видел средство преодолеть возникшие из-за войны трудности с поиском рабочих рук и финансированием ремонта дорог. Журнал Комитета министров от 3 января 1814 г. был посвящен разногласиям, возникшим между Вязмитиновым и Деволланом по вопросу надзора за пленными, которые должны были трудиться на Московском, Белорусском и Нарвском трактах. Комитет признал неудобным возложить функции надзора за этими пленными на земские полиции (как предлагал Деволлан) и решил выяснить, может ли выделить команды для этой цели Военное министерство²⁷. В ответ управляющий Военным министерством 14 февраля сообщил, что команды внутренней стражи для охраны пленных на работах откомандировать невозможно, поскольку они заняты приемом и препровождением рекрутов, выздоравливающих, а также строевых лошадей²⁸. Проект использования пленных на дорожных работах так и не был реализован²⁹.

Занимался Комитет министров и проблемой использования военнопленных врачей в гражданской сфере³⁰. Здесь необходима была координация усилий Министерства полиции, Военного министерства и Министерства народного просвещения, отвечавшего за квалификацию работавших в России медиков. 12 марта 1813 г. в условиях нехватки медицинского персонала Вязмитинов предложил министру народного просвещения А.К. Разумовскому привлечь пленных врачей, остающихся без дела, под надзором местных врачебных управ к оказанию помощи гражданскому населению. Поскольку по высочайше утверж-

денному положению от 15 июля 1810 г. практика врачам, не признанным по экзамену, была запрещена, Вязмитинов предлагал Разумовскому войти в Комитет министров с предложением об изъятиях из этого правила³¹. Очевидно не дождавшись этого шага со стороны Разумовского, Вязмитинов сделал на рубеже 1813–1814 гг. его сам. Комитет на заседании 9 января 1814 г. разрешил привлекать пленных врачей «к пользованию больных под надзором наших экзаменованных врачей», причем с уплатой бывшим медикам Великой армии «пристойного» вознаграждения³².

А 17 апреля 1814 г. Комитет министров рассмотрел записку Вязмитинова, где излагалось сделанное еще в январе предложение генерал-штаб-доктора по гражданской части А.А. Крейтона об упрощенном порядке сдачи экзамена военнопленными врачами. Министры поддержали Крейтона. Надо сказать, что министр народного просвещения сам не решился на подобный шаг, предпочтя переложить ответственность на «самодержавное правительство»³³.

Вопросы, связанные с использованием труда военнопленных, возникали и на региональном уровне. Сложная ситуация с рабочей силой сложилась в 1813 г. на юге России. Херсонский военный губернатор дюк Э.О. Ришелье в донесении Вязмитинову сообщал, что хотя эпидемия «заразительной болезни» (это была чума) почти прекратилась, по-прежнему необходимы меры, «предохраняющие как от внешних, так и от внутренних жителей». Это в свою очередь затрудняло трудовую миграцию в Херсонскую губернию. Положение грозило усугубиться еще и тем, что, по мнению начальства, все мастеровые обратятся на заработки в Москву, где они если и не будут получать «выгоднейшую плату», то, по крайней мере, будут находиться недалеко от своих семейств. Таким образом «край между Буга и Днестра, а с ним вместе и Крымский полуостров весьма будут нуждаться в рабочих, а скот потерпит впоследствии от недостатка заготовленного для него сена». Для решения проблемы Ришелье предлагал, основываясь на положении Комитета финансовых и циркулярном предписании Вязмитинова, «иметь в Херсони и Крыму по 1500 пленных разных наций», которые, восполнив дефицит трудовых ресурсов, помогут краю и «не будут отягчать своим продовольствием казну». Однако среди этих пленных Ришелье не желал видеть французов, «кои могут покушаться на побеги морем или в турецкие пределы». Комитет министров на заседании 20 июня 1813 г. удовлетворил требования Херсонского военного губернатора относительно употребления на работы «находящихся в тамошней

губернии пленных», но оговорку относительно недопущения туда французов отверг, впрочем предписав, «чтобы местное начальство имело за ними строгое наблюдение»³⁴.

Весной 1813 г. Вятский гражданский губернатор донес Вязмитинову, что французские военнопленные во вверенной ему губернии «обращаются в лености, пьянстве, а чрез сие в буйстве и подобных преступлениях». Опасаясь, «чтобы пороки сии и действующий в них свободный дух французский не довели их до дальнейшего предположения противу порядка и необузданности», губернатор испрашивал дозволения употребить за плату на городские работы тех из пленных, кого не взяли на предприятия «за неимением охотников» из числа работодателей или кто не пожелал сам поступить на заводы. Таким образом, те, кто пришел в Россию под знаменами Наполеона, должны были, по мысли губернатора, за счет городского общества заниматься исправлением площади, срытием старого вала и т. п. В результате, как считал он, «и город поправится», и «праздные люди сии занятием будут удержаны от свободных французских привычек». Губернатора смущало лишь одно: «как поступать с штаб- и обер-офицерами, буде те окажутся грубы и дерзки». Причем чтобы не концентрировать в губернском городе большого числа офицеров «сей просвещенной нации», которые «большей частью без всякого воспитания», губернатор планировал тех из них, кто будет прибывать из Вологодской губернии, размещать по уездным городам. Комитет министров, рассмотрев в своем заседании 20 мая 1813 г. этот вопрос, разрешил употребить французских пленных на городских работах, производя им «плату на содержание» из городских доходов. Об офицерах не было сказано ничего. Выписку из журнала следовало сообщить Вязмитинову для учинения надлежащих предписаний³⁵. Однако общего для всех губерний предписания по этому вопросу, сколько нам известно, не последовало. Впрочем, оно и не требовалось³⁶. По общему правилу пленные, которые «по привычке ли к солдатской жизни или по неспособности к трудам другого рода» не определяются ни к какой профессии, могли быть «употреблены для их содержания на многоразличные работы в Москве и других городах при исправлении и перестройках разрушенных домов». По смыслу документа все это относилось к нижним чинам. Вопрос о привлечении к работам офицеров специально не оговаривался.

Вынужден был Комитет министров обращать внимание и на образованные из пленных воинские части. 13 марта 1814 г. Комитет рассмотрел и принял к сведению записку А.И. Горчакова, излагавшего

полученное главнокомандующим Резервной армией князем Д.И. Лобановым-Ростовским высочайшее повеление о роспуске подчиненных ему легионов, составленных из военнопленных³⁷. Легионы эти первоначально формировались в Орле из французов, итальянцев и голландцев, а на заключительном этапе войны к ним был присоединен составленный преимущественно из пленных немцев отряд подполковника В.И. Дибича (брата будущего фельдмаршала)³⁸.

Комитет следил и за процессом отправления пленных на родину, реагируя, в частности, на проблемы с депатриацией итальянцев. Вследствие высочайшего повеления об освобождении итальянцев и неаполитанцев Вязмитинов предписал гражданским губернаторам (циркулярное предписание об освобождении неаполитанцев датировано 31 марта 1814 г.) направлять их в Радзивилов, рассчитывая, что со стороны австрийского правительства препятствий в их пропуске на родину чиниться не будет. Уверенности в этом российским властям придавало то, что через Радзивилов была возвращена на родину часть баварцев. Однако управляющий Волынской губернией на правах генерал-губернатора М.И. Комбурлей сообщил Вязмитинову два отзыва, направленные Бродским комендантом радзивиловскому военному полицмейстеру. Представитель австрийских властей объявил, что его правительство не только не будет принимать никаких пленных, кроме своих подданных, но и не допустит их прохода через владения австрийского императора, даже если эти пленные будут следовать «на своем коште». В связи с этим Вязмитинов дал указание властям Волынской губернии о перенаправлении потока итальянцев и неаполитанцев из Радзивилова в Белосток, о чем уведомил и правителя Белостокской области. Одновременно главнокомандующий в Петербурге внес этот вопрос на рассмотрение Комитета министров, который 16 июня 1814 г. положил Вязмитинову запросить управляющего Коллегией иностранных дел тайного советника И.А. Вейдемейера, не известно ли внешнеполитическому ведомству, на каком основании австрийское правительство приостановило пропуск через свои владения пленных неаполитанцев и итальянцев³⁹. Однако, как следует из ответа, Вейдемейер о причинах такого распоряжения ничего не знал. Кроме того, управляющий Волынской губернией Комбурлей сообщил Вязмитинову, что на его запрос Галицийский вице-губернатор ответил, что пленные, возвращающиеся в итальянские области, находящиеся под австрийским владением, будут, согласно его предписаниям, приниматься на границе и отправляться далее. Что же касается остальных пленных, то губернатор Галиции

запросил о них свой двор и обещал сообщить Комбурлею ответ. Вместе с тем радзивиловский полицмейстер Гирс сообщил Вязмитинову, что из Радзивилова через Австрию проследовало 72 пленных итальянца и неаполитанца. Все эти сведения Вязмитинов представил Комитету министров в особой записке, которая была рассмотрена и принята к сведению на заседании 14 августа 1814 г.⁴⁰

Приходилось Комитету министров корректировать и правила, касавшиеся пленных, уже присягнувших на подданство России. В начале 1814 г. Саратовская контора опекунства иностранных поселенцев донесла в Министерство внутренних дел, что из числа военнопленных, принявших присягу на подданство, 45 человек пожелали обосноваться в тамошних колониях. В связи с этим она ходатайствовала, чтобы им была предоставлена такая же льгота по податям и повинностям, которая была дана ремесленникам из пленных, приписавшимся по городам в мещане. О.П. Козодавлев предложил Комитету министров распространить на вступающих в колонисты пленных десятилетнее освобождение от всех податей и повинностей, предоставленное законодательством иностранным поселенцам, а положением Комитета министров от 19 сентября 1813 г., введенное и в отношении пленных, которые приписываются в мещане. На заседании 17 апреля 1814 г. Комитет министров утвердил это предложение⁴¹.

После завершения наполеоновских войн Комитет министров по-прежнему занимался проблемой пленных, остававшихся в России. Вопрос этот периодически ставился иностранными дипломатами. Уже в 1816 г. прусский посланник потребовал, чтобы российское правительство предприняло усилия к возвращению якобы по-прежнему остававшихся в России прусских, гессен-кассельских, дармштадских, и мекленбургских пленных, или по крайней мере к сбору достоверной информации об их судьбах. Более того, он просил позволить вернуться на родину даже присягнувшим на подданство России. Причем дипломат предлагал задействовать для сбора сведений не только официальные каналы, но и прессу, позволив, в частности, печатать соответствующие объявления о розыске пленных и бесплатно принимать на почте письма с информацией о них. В итоге Комитет министров на заседании 19 сентября 1816 г. решил затребовать необходимые сведения у Вязмитинова и Козодавлева⁴². На заседании 6 октября 1816 г. Комитет министров вернулся к этому вопросу. Министр внутренних дел кратко сообщил, что предписания о бесплатном приеме писем пленных никогда не было, а Вязмити-

нов представил пространную записку по вопросу репатриации пленных и их учета. Он скептически высказался касательно имеющихся по губерниям сведений об умерших пленных, заявил, что печатать объявления в газетах не запрещено и напомнил, что циркулярным предписанием от 18 августа 1814 г. присягнувшим на подданство России пленным разрешено возвращаться на родину. В итоге Комитет министров положил уведомить прусского посланника через управляющего МИД обо всех вышеупомянутых распоряжениях, сделанных Министерством полиции, и сообщать ему об оставшихся в России прусских пленных все сведения, которые будут поступать из губерний (предписание о сборе сведений об оставшихся пленных было дано еще в мае). О пруссаках, поступивших на военную службу, посланнику должно было сообщить Военное ведомство. Комитет дозволил также напечатать в газетах как «приглашение к людям сострадательным» сообщать сведения о бывших прусских пленных, так и обращение к самим пленным по поводу их возвращения на родину. Письма на имя посланника с сообщением о судьбе прусских пленных почтовое ведомство должно были принимать бесплатно, представляя раз в полгода прусской миссии счет для оплаты стоимости их пересылки⁴³.

Все вышеизложенное демонстрирует, сколь важную роль играл Комитет министров в эпоху 1812 г. в системе высших органов государственного управления. Традиционно в историографии принято считать, что ведущую роль в регулировании положения пленных играло Министерство полиции. Однако анализ всей совокупности положений Комитета министров по данному вопросу позволяет несколько скорректировать наши представления. Комитет министров не только участвовал в формировании общей правовой базы пребывания пленных в России, но занимался разъяснением и корректировкой законодательства, принимал множество решений по локальным вопросам, координировал работу разных ведомств. Немаловажное значение имела функция Комитета, которую можно назвать надзорной — он получал информацию о разного рода чрезвычайных ситуациях и мерах, принимаемых к их разрешению, что позволяло иметь информацию об обстановке в стране, о потенциальных угрозах и возникающих проблемах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Писарькова Л.Ф. Государственное управление первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. 2-е изд. М., 2014. С. 236–237.

² См. подр.: *Миловидов Б.П.* Роль Комитета министров в регулировании положения военнопленных наполеоновской армии в России в 1812–1815 гг. // Клио. 2024. № 1. С. 198–209.

³ *Бессонов В.А.* Военнопленные 1812 г. в России // Военнопленные армии Наполеона в России. 1806–1814: Мемуары. Исследования. СПб., 2012. С. 83, 85.

⁴ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 32. Л. 99–100.

⁵ Там же. Д. 38. Л. 54–56.

⁶ Там же. Д. 33. Л. 157–162.

⁷ Там же. Д. 41. Л. 222–225.

⁸ Там же. Л. 299–300.

⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2658. Л. 132–133; Д. 2961. Л. 38–39.

¹⁰ Там же. Л. 205, 209, 210.

¹¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 49. Л. 21 об.–24; *Бессонов В.А., Миловидов Б.П.* Военнопленные поляки. 1812–1814 // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. VII. / Труды Государственного исторического музея. Вып. 179. М., 2008. С. 152–153.

¹² См. подр.: *К-шов К.* Томский заговор. // Исторический вестник. 1912. № 8. С. 631–644.

¹³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 61. Л. 570 об.

¹⁴ Там же. Д. 63. Л. 260.

¹⁵ Там же. Д. 61. Л. 586–587.

¹⁶ *Бессонов В.А.* Военнопленные 1812 г. в России. С. 105–106.

¹⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 81. Л. 94–95.

¹⁸ Там же. Д. 64. Л. 278–281.

¹⁹ Там же. Д. 101. Л. 567–569.

²⁰ Там же. Д. 58. Л. 45–53; Д. 60. Л. 103–105. См. подр.: *Миловидов Б.П.* К вопросу о судьбе гарнизона Данцига, 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2012. С. 408–426.

²¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 46. Л. 307–309.

²² *Бессонов В.А.* Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды государственного исторического музея. Вып. 147. М., 2005. С. 61.

²³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 31. Л. 130 об.–132.

²⁴ Там же. Д. 39. Л. 16–20, 24.

²⁵ Там же. Д. 42. Л. 52–53 об.

²⁶ Там же. Л. 54–57; См. подр.: *Миловидов Б.П.* Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2011. С. 176–181.

²⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 56. Л. 46–49.

²⁸ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3163. Л. 10; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 56. Л. 61–62.

²⁹ См. подр.: *Миловидов Б.П.* Военнопленные наполеоновской армии на строительстве российских дорог: история нереализованного проекта // Вестник военно-исторических исследований: Всероссийский сборник научных статей / под ред. С.В. Белоусова, А.В. Комплеева. Пенза, 2015. Вып. 6. С. 58–73.

³⁰ См. подр.: *Миловидов Б.П.* Военнопленные медики Великой армии // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2006. С. 179–186.

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 99. Д. 42. Л. 1.

³² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 56. Л. 115–116.

³³ Так же. Д. 59 Л. 278.

³⁴ Так же. Д. 43. Л. 297–297 об.

³⁵ Так же. Д. 42. Л. 217–218.

³⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1030. Л. 1–2; Ф. 563. Оп. 2. Д. 1. Л. 35–35 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 2660. Л. 21; Опубликовано по копии РГВИА: *Шведов С.В.* Пленные Великой армии в России // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. С. 69–70.

³⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 58. Л. 298.

³⁸ См. подр.: История орловских легионов из военнопленных. 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. Вып. VI. / Труды Государственного исторического музея. Вып. 166. М., 2007. С. 186–199.

³⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 61. Л. 366–368.

⁴⁰ Там же. Д. 63. Л. 195–196.

⁴¹ Там же. Д. 59. Л. 246–248.

⁴² Там же. Д. 99. Л. 308–312.

⁴³ Там же. Д. 100. Л. 99–103; см. подр.: *Миловидов Б.П.* Пленные Великой армии, оставшиеся в России: к постановке проблемы // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Сб. материалов XVII Всероссийской научной конференции 24 октября 2009 г. Малоярославец, 2009. С. 94–99.